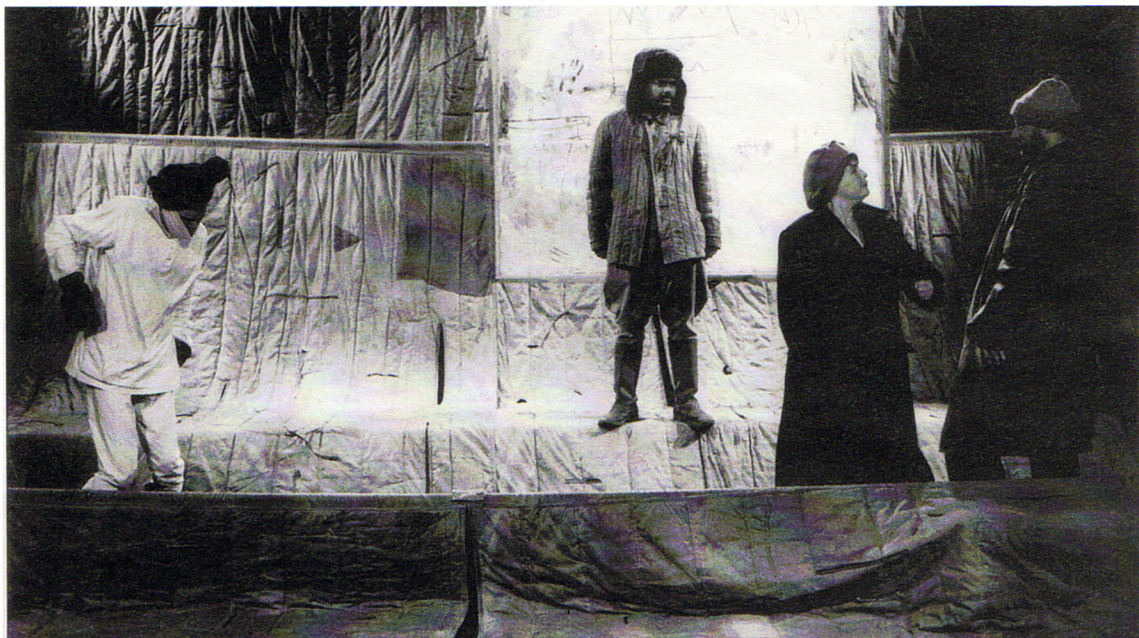

шанс

П А Н О Р А М А

ОНИ ПУСТИЛИСЬ В ЭТУ ПРИЯТНУЮ АВАНТЮРУ, ОЧЕНЬ РИСКУЯ БЫТЬ НЕПОНЯТЫМИ

С 19 по 30 апреля в Петербурге прошел театральный фестиваль "Балтийский дом". Событием в фестивальной программе стал спектакль "Москва—Петушки". Авантюра, в которую пустились его создатели, лишний раз доказала универсальность мирового театра.

Виктория МОРОЗОВА
Фото Niklaus Stauss,
Андрей Чапакин (Шанс-фото)

Все началось с того, что петербургский художник Эмиль Капелюш предложил своему швейцарскому другу режиссеру Петеру Брашлеру прочитать поэму Венедикта Ерофеева "Москва — Петушки". Он вспомнил о Ерофееве так, к слову, за кружкой пива в застольной беседе. Потом Петер прочитал поэму, а так как по времени это совпало с такими значительными для Европы событиями, как перестройка в России и падение Берлинской стены в Германии, то история Венички (так зовут главного героя) показалась ему как человеку творческому исключительно актуальной. Покорили Петера и литературные достоинства этой поэмы, несмотря на то, что в переводе на немецкий, типично русский колорит слова и духа передать сложно. В общем, путешествие Венички из Москвы в Петушки оказалось той самой историей, которую Петер решил во что бы то ни стало воплотить на сцене, причем совместными швейцарско-российскими силами.

Проект совместной постановки как нельзя удачно вписывался в необычные традиции небольшого цюрихского театра с таким же необычным названием "Маралам", которым

руководит Брашлер. Будучи воспитанником Питера Брука, он и на своей сцене стремится доказать универсальность театра. Он считает, что, во-первых, есть общие законы, которые едины во всем театральном мире, и только во-вторых, можно говорить о существовании самых разнообразных театральных традиций и культур. Поэтому среди постановок Брашлера есть совместные работы с африканцами и тамильцами, иранцами и филиппинцами, палестинцами и теперь — с русскими.

Художником спектакля "Москва — Петушки" стал Эмиль Капелюш. Он же нашел для совместного проекта и всех остальных участников с российской стороны — драматурга Александра Образцова, актрису Лиану Жвания и режиссера Георгия Васильева, которому в спектакле предстояло выполнять актерские функции, благо такой опыт у него уже был. На роль главного героя Петер пригласил двух

швейцарских актеров — Оскара Бингесера, который сыграл Веничку на цюрихской сцене, и Исмаэля Ашрафади, который участвовал в петербургской премьере спектакля. И в том, и в другом случае главный герой говорил по-немецки, все остальные персонажи, сыгранные на сцене Лианой Жвания и Георгием Васильевым, — по-русски. Задумав воплотить в одной постановке такое тесное сосуществование двух языков, все участники спектакля, конечно же, очень рисковали. Важно было добиться на сцене такого уровня общения, чтобы это стало для зрителя не просто некой умозрительной концепцией, таким двуязычным изыском создателей, а доказало ту самую универсальность театра, за которую ратует Петер Брашлер.

